

A detailed portrait of Anne Boleyn, the second wife of King Henry VIII of England. She is depicted from the chest up, wearing a blue and gold patterned dress with a white lace collar and a red and gold patterned headpiece. She has red, curly hair and is looking slightly to the right with a serious expression.

БРЯЧЕСЛАВ ГАЛИМОВ

ВОКРУГ ТЮДОРОВ.
ЭПОХА ПЕРЕМЕН
И ВРЕМЯ СТРАСТЕЙ

ИЗМЕНА АННЫ БОЛЕЙН КОРОЛЮ ГЕНРИХУ VIII

Галимов Брючеслав
Измена Анны Болейн
королю Генриху VIII
Серия «Вокруг Тюдоров. Эпоха
перемен и время страстей», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17011605

Аннотация

Книга написана на основе воспоминаний начальника тайной полиции времен английского короля Генриха VIII. Действия произведения разворачиваются вокруг возлюбленной Его Величества Анны Болейн, ради которой он решает бросить жену Екатерину. Любовные страсти приводят к большим внутривластным изменениям в стране... Роман «Измена Анны Болейн королю Генриху VIII» – это политико-любовная драма, которая открывает трилогию под названием «Вокруг Тюдоров. Эпоха перемен и время страстей». Роман Брючеслава Галимова выходит далеко за рамки историко-биографического произведения. Он приобретает большую познавательскую ценность, удачно передавая дух эпохи, изображая многочисленные портреты современников короля Генриха VIII.

Содержание

Часть 1. Охота короля	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Брячеслав Галимов

Книга 1

ИЗМЕНА АННЫ БОЛЕЙН КОРОЛЮ ГЕНРИХУ VIII

Часть 1. Охота короля

Путь от часовни до личных покоев короля проходил через длинную галерею, где толпились придворные, желавшие лишний раз показаться перед своим государем, и всякого рода просители, попавшие во дворец по протекции или за взятку. Король Генрих ненавидел эту галерею: пройдя через нее, он лишался даже той жалкой частицы религиозного чувства, которую давала ему утренняя молитва. Людские помыслы были настолько далеки от идеалов веры, что религия начинала казаться Генриху фантазией, имеющей мало общего с реальностью. Подобные мысли пугали короля, он мрачнел и с трудом скрывал раздражение.

В то же время его жена Екатерина, находясь в прекрасном расположении духа после заутрени, милостиво улыбалась народу. Королева лишь в периоды собственных неудач замечала несоответствие между тем, что говорили священ-

ники в церкви, и тем, что было в жизни. Тогда она плакала и обвиняла причинивших ей огорчение людей в несоблюдении религиозных заповедей и в отступлении от веры. Своим доверенным фрейлинам королева шепотом поясняла при этом, что главным виновником всех бед, происходящих с королевством и лично с ней, является, конечно же, сам король, известный вольнодумец и циник.

Генриха возмущали выпады Екатерины против него. Он женился на ней не по любви, а из высших государственных соображений; из подобных соображений и она вышла за него замуж. В отношениях с женой король старался соблюдать правила, основанные на принципах взаимного уважения и невмешательства в жизнь друг друга, однако Екатерина постоянно нарушала эту договоренность, и часто вела себя враждебно в отношении Генриха. Ее женские обиды причудливым образом перемешивались с присущим Екатерине религиозным фанатизмом, создавая ядовитую смесь ненависти и презрения, которая стала совершенно непереносима для Генриха в последние месяцы.

Простившись с женой у дверей своих личных покоев, Генрих не смог сдержать облегченного вздоха, не оставшегося незамеченным членами Ближнего Королевского Совета. Многозначительно переглядываясь, они проследовали за королем в зал гобеленов, где Генрих обычно отдыхал после завтрака. Здесь слуги быстро и ловко сняли с шеи короля тесное жабо, распустили шнуровку на камзоле и ослабили под-

вязки на чулках. Генрих грузно опустился в большое кресло, вздохнул еще раз и сказал своим приближенным:

– До чего не люблю я современную мужскую моду! Чертовы чулки с чертовыми подвязками сжимают ногу, как «испанский сапог». Камзол не дает дышать, а жабо, мало того что давит горло, так еще не позволяет повернуть голову. Тому, кто телом тощ, и то нелегко, а каково мужчине дородному, да тучному, – такому, как мне. Кровь приливает к затылку, в глазах темнеет, а лодыжки так болят, что начинаешь хромать, подобно нищему калеке.

Члены Совета сочувственно поддержали короля:

– Вы правы, ваше величество! Ужасная мода!

– Ужасная. Да, ужасная, – повторил Генрих. – Одно, хорошо, господа, – буфы широкие, не стесняют задницу, и гениталии также не стеснены. Это очень важно для продолжения рода, господа, чтобы гениталии не были стеснены, – мне ведь еще предстоит обзавестись наследником. Моя жена родила мне дочь, да на том и успокоилась, а мне нужен сын – принц и будущий король. Сэр Джеймс, вы хотите мне что-то сказать? Говорите.

Вперед выступил человек выше среднего роста, скорее молодой, чем зрелых лет. Почтительно поклонившись королю, сэр Джеймс потрепал свою изящную темную бородку и вкрадчиво проговорил:

– Ваше величество, то, что я сейчас скажу, вы можете счесть неслыханной дерзостью, но моя совесть и мое чувство

долга побуждают меня сказать вам это, даже если моя голова будет срублена палачом и выставлена на всеобщее обозрение на мосту.

— Ближе к делу, сэра Джеймс, ближе к делу! Потом решим, что делать с вашей головой, — сказал король.

— Позвольте мне сообщить вам то, о чем со скорбью сердечной думают все подданные вашего королевства: ее величество недостойна вас. Такому выдающемуся королю, как вы, подобает жена под стать вам, — я имею в виду, конечно, ваши душевные качества, а не телесную оболочку.

— Вы, действительно, дерзки, сэра Джеймс. Высказываться подобным образом о моей жене, об особе королевской крови. Неслыханная наглость!.. Впрочем, продолжайте, я всегда готов услышать слова правды, как бы горько они не звучали.

— Вы — образец государя, ваше величество, чего никак нельзя сказать о ее величестве, — продолжал сэра Джеймс. — Интересы ее родной страны ближе королеве, чем интересы нашего государства.

— Так вот как думают мои подданные, сэра Джеймс!

— Они страдают от несправедливости к вам судьбы, ваше величество. Денно и ночью они молятся о вашем благополучии.

— Но что вы предлагаете?

— О, ваше величество, смею ли я советовать вам?

— Бросьте, милорд! Для чего же я включил вас в состав Ближнего Королевского Совета, как не для того чтобы вы

мне советовали?

– В таком случае, я рискую окончательно потерять ваше доброе ко мне расположение, но я должен посоветовать вам расстаться с королевой для того чтобы связать свою жизнь с другой, более достойной особой, – решительно произнес сэр Джеймс.

– Бог мой! Вы, должны быть, сошли с ума, достопочтенный сэр! Мне расстаться с королевой? Это невозможно, немыслимо! Как я могу оставить ее? К тому же для этого надо иметь веские основания. Вы, наверно, забыли, что разрешение на развод мне может дать только сам святейший папа, а он тесно связан с императором Карлом, племянником моей жены, и никогда не пойдет против его воли.

– Однако у вас, ваше величество, есть причина для развода...

– Что за причина?

– Веская причина. Причина, о которой вы сами изволили упомянуть, причина, вызывающая тревогу во всем нашем королевстве...

– А! Отсутствие наследника... Да, причина действительно веская. Мне кажется, в истории королевских семей были подобные прецеденты?

– Безусловно, ваше величество. Я могу составить соответствующий меморандум.

– Благодарю вас, сэр Джеймс. А что думают по поводу развода другие члены Совета?

– Сэр Джеймс прав. Ваше величество, конечно, не может остаться без наследника, – согласно закивали головами члены Совета.

– Но я вижу, что сэр Томас молчит. Сэр Томас, мне бы хотелось услышать ваше мнение, – сказал Генрих.

Сэр Джеймс, низко склонившись перед королем, отступил назад, и место перед королевским креслом занял сэр Томас.

– Отчего у вас печальное лицо, дорогой сэр Томас? – спросил король. – Несмотря на некоторые сложности, дела в нашем государстве идут неплохо. Отчего же вы так грустны, милорд?

На бледном лице сэра Томаса промелькнуло некое подобие улыбки.

– Ваше величество, я польщен тем, что вы проявили внимание ко мне, но боюсь мне нечем вас порадовать.

– Ну, сэр Томас, я и не жду от вас развлечений! Вы – не акробат, забавляющий публику ловкостью своего тела, не актер, заставляющий нас поверить в игру выдуманных страстей, и не музыкант, веселящий наши сердца мелодичными звуками. Вы дороги нам как человек острого ума и обширной эрудиции, как человек, обладающий большим государственным опытом и глубоким знанием жизни. Ваши советы всегда ценны для нас, даже если они не вызывают удовольствия. Я знаю, что вы философ, милорд, и во многом я с вами согласен, но вы чересчур мрачно смотрите на мир, – чересчур мрачно, говорю я вам! Есть в нашем мире и светлые

стороны, уверяю вас! Впрочем, я спрашивал вашего совета насчет моего развода, если вы помните, – заметил король.

Среди членов Совета послышались смешки. Сэр Томас не повел и бровью; выпрямившись во весь свой невысокий рост, он произнес холодным официальным тоном:

– Что касается вашего развода, ваше величество, то я считаю его неосторожным и необдуманым шагом, вредным и опасным для государства.

Члены Совета возмущенно заохали и начали шептаться, а сэр Джеймс иронически засмеялся.

– Сохраняйте тишину, уважаемые господа! – повысил голос король. – Продолжайте, сэр Томас, мы с нетерпением хотим услышать ваши аргументы.

– Слушаюсь, ваше величество. Во-первых, развод с королевой приведет к неизбежному конфликту с императором, что может вызвать войну с сильнейшим государством мира, войну, в которой мы не имеем никаких шансов на победу в настоящее время. Полагаю, что не нужно объяснять, какие итоги будет иметь эта война для нашего королевства. Священная Римская империя, которой правит родственник вашей жены, раскинулась на целый мир: кроме Испании, Италии, Австрии, Германии и Нидерландов, ей принадлежат многие заморские владения, в том числе в Америке. Как мы можем воевать с этим гигантом?...

Во-вторых, развод вашего величества с королевой никогда не будет разрешен святейшим папой. Как вы верно заме-

тили, папа теснейшим образом связан с императором Карлом и поэтому не позволит вам развестись с королевой, несмотря ни на какие обоснования, приведенные нами. Если же вы пойдете на разрыв отношений с его святейшеством, то это приведет вас к отлучению от церкви, что восстановит против вашего величества большую часть ваших подданных. В стране произойдут беспорядки, которые могут вызвать новую междоусобную войну, – и это тогда, когда мы еще не оправились от последствий прежней междоусобицы!

– Сэр Томас сильно сгущает краски. Он хочет запугать нас, – громко прошептал сэр Джеймс.

– Если же вы, ваше величество, будете сохранять хотя бы видимость добрых супружеских отношений с королевой, то мы не только избежим всего этого, но достигнем процветания и могущества, ибо все необходимые предпосылки для этого у нас есть, – продолжал сэр Томас. – Добавлю, что негативное влияние ее величества на дела вашего королевства и ее попытки проводить здесь политику, отвечающую интересам императора, можно легко нейтрализовать, поскольку королева, как справедливо заметил сэр Джеймс, не любима народом, и не имеет поддержки ни в ком, кроме своих ближайших фрейлин. Итак, ваше величество, сохранение вашего брака – благо для королевства, развод – зло для него.

– Да, есть о чем задуматься, – сказал король после паузы. – Что же, благодарю всех за помощь и более не задерживаю. Я хочу побыть один.

Когда все ушли, Генрих тяжело поднялся с кресла, подошел к одному из гобеленов и нажал на рычаг, спрятанный за ним. В простенке между гобеленами открылась потайная дверь, из нее вышел человек в одежде простого горожанина.

– Вы все слышали, мастер Хэнкс? – спросил его Генрих.

– Конечно, ваше величество.

– Кто прав – сэр Джеймс или сэр Томас?

– Оба не правы, – коротко ответил Хэнкс.

– Вот как? Интересно. Почему? – удивился король.

– Сэр Джеймс не прав в том, что святейшего папу удастся уговорить. Папа не даст разрешения на развод с королевой.

– Значит, прав сэр Томас. Он говорил именно об этом.

– Нет, сэр Томас тоже не прав. Если вы без папского позволения разведетесь с королевой, то не будет ни войны с императором, ни серьезных беспорядков внутри страны, – твердо сказал Хэнкс.

– Откуда у вас такая уверенность, мастер Хэнкс?

– Ваше величество, я состою на вашей секретной службе и получаю от вас жалование как раз за то, чтобы с уверенностью отвечать на ваши вопросы.

– Хорошо. Но объясните мне, почему не будет войны, и не будет беспорядков? – нетерпеливо произнес король.

– Войны не будет от того, что императору Карлу теперь

не до нас. Подчинив себе половину мира, его императорское величество должен постоянно заботиться об удержании своих земель в повиновении, что совсем непросто. То там, то тут случаются всяческие неприятности, и он вынужден посылать свои войска и флот то в одну, то в другую страну. Сейчас, например, его императорское величество пытается излечить чрезвычайно болезненный процесс, поразивший подбрюшье его континентальных владений... Поэтому до тех пор пока мы не будем представлять собой непосредственную угрозу могуществу империи, Карл не начнет войну против нашего королевства. Возможно, он предпримет какие-то вылазки против нас, но до широких военных действий дело не дойдет.

– Убедительно. Ну, а папа и отлучение от церкви?

– Отлучение вашего величества от церкви, видимо, случится, но оно не вызовет анархии и смуты в вашем государстве. Папская власть уже не та, что была раньше, – ее святость померкла, а сила ослабла. Самое же главное, что на удовлетворение своих прихотей папам требуется все больше и больше золота. Согласитесь, ваше величество, что дворцы, ювелирные украшения, роскошная мебель, дорогие ткани, изысканная еда и прочие приятные мелочи жизни стоят немало денег, а добавьте к этому многочисленных папских любовниц и любовников... Отсюда вполне понятное стремление папского престола нажиться любыми способами. Выбор между Богом и Мамоной сделан папской церковью в

пользу последнего. Сомнительные торговые сделки, покровительство бандитам и пиратам, взимание платы за церковные таинства, отпущение грехов за деньги дополняются увеличением поборов с народа и безжалостной борьбой со всеми недовольными. В результате люди теряют веру в то, что церковь служит Христу; повсюду смута, брожение умов и расколы. Римский папский теряет своих овечек, их подбирают другие пастухи.

– Мой Бог! Что вы такое говорите, мастер Хэнкс! От ваших слов пахнет жареным! – Генрих покачал головой.

– Я обязан докладывать вашему величеству о настроениях в обществе, – ни одна черта не дрогнула на лице Хэнкса.

– Не желаю вас слушать! Отправляйтесь в часовню и молитесь, чтобы Господь утвердил вас в вере!

– Как прикажете, ваше величество.

– Пойдите, мастер Хэнкс! Скажите мне еще, в чем причина заблуждений сэра Джеймса и сэр Томаса? – остановил Хэнкса король.

– Они не заблуждаются, ваше величество, они слишком умны для этого.

– Стало быть, они лгут?

– Политики никогда не лгут, ваше величество, потому что у них нет понятий о правде и неправде. Политиками движет расчет – для них истинно то, что им выгодно.

– Какой же расчет движет сэром Джеймсом?

– Сэр Джеймс является фактическим предводителем тех

ваших подданных, которые добились власти и богатства после смуты в королевстве. Они не хотят делиться своими доходами и своим влиянием с остатками прежней знати и с церковью, поэтому им выгодна ваша ссора со святейшим папой, который поддерживает, как известно, старые порядки. Эти люди станут вашей верной опорой в борьбе за создание нового уклада жизни в государстве.

– Хорошо, а что касается сэра Томаса? У него какие тайные мотивы? – спросил король недоверчиво.

– Сэр Томас устал от реальности и впал в мечтательность. Он считает, что людские пороки можно исправить, если людей постоянно направлять и наставлять к лучшему. Существующую церковную организацию, при условии избавления от вопиющих недостатков, сэр Томас полагает прототипом идеальной системы устройства общества, в котором будет достигнуто духовное единение всех людей под властью мудрого правителя.

– И кого он видит в роли такого правителя?

– Боюсь, что не вас, ваше величество, – ответил Хэнкс.

– Опасные мечтания, опасные, – сказал король. – И много моих подданных поддерживают сэра Томаса?

– О, нет, ваше величество! Совсем немного, – произнес Хэнкс с мимолетной усмешкой.

– Я, однако, не понимаю, как мы станем жить без папского благословения, – проговорил король, помолчав минуту. – Ну ладно, на сегодня довольно разговоров о делах, хватит

политики! Вы почтите своим присутствием завтрашнюю королевскую охоту, уважаемый мастер Хэнкс?

– Среди благородных господ не место простолюдину, – сказал тот.

– Если вы достойны компании короля, то тем более достойны компании его слуг, – заметил Генрих. – Впрочем, не настаиваю, зная вашу нелюбовь к публичным зрелищам. До свидания, мастер Хэнкс!

– Да хранит Господь ваше величество! – склонился перед королем Хэнкс.

Дождавшись, когда он выйдет, Генрих достал из ящика массивного дубового стола маленький овальный портрет с изображением миловидной девушки и долго смотрел на него.

– Политика, расчет, выгода... Любовь, любовь и еще раз любовь – вот что правит миром! Какая красота, какое совершенство, какое изящество! Разве можно сравнить ту и эту? Пока Екатерина была молода, я еще находил в ней некоторую привлекательность, особенно в тех частях тела, что скрыты под платьем: у нее были крепкие красивые ягодицы, а грудь, хотя и мала, но упруга. Я женился на Екатерине не по любви, но любовь все равно взяла себе дань; видит Бог, я исполнял свои супружеские обязанности с должным усердием и даже с выдумкой! Однако Екатерина в постели всегда была холодна, как январский день, и принимала мои ласки лишь по обязанности жены; родив же дочь, она вовсе перестала отвечать

на мои порывы. Конечно, я мог обладать ею по праву мужа, но кому понравится ласкать бесчувственное тело, которое, к тому же, безвременно увяло и состарилось.

Перестав быть единой плотью, мы с Екатериной окончательно стали чужими людьми, потому что душою мы всегда были чужими. Пусть Господь рассудит, кто из нас прав, кто виноват, но клянусь всеми святыми, дальнейшая супружеская жизнь с Екатериной для меня невозможна! Если бы моя супруга была только сварлива, капризна, плаксива и переменчива, я бы легко всё это вытерпел: есть ли на свете женщина, которая была бы лишена этих недостатков? Что делать, такими женщин создал Бог! Но Екатерина, помимо всего прочего, пытается возвыситься надо мной, сделать из меня покорного исполнителя ее воли и взять в свои руки управление моим королевством. Она распускает сплетни обо мне, ведет интриги и составляет заговоры против меня. Во имя чего я должен терпеть такую жену?

А эта... – король снова посмотрел на портрет. – Как она хороша: живой взгляд, милое доброе лицо, очарование молодости и красоты! Представляю, какое стройное у нее тело, какие восхитительные формы... Ну, не будем об этом, слишком волнительно... К дьяволу все политические расчеты, я хочу жениться на ней, – и я на ней женюсь!

Более трехсот человек выехали ранним утром на королевскую охоту. Кроме господ, приглашенных королем, и пожелавших сопровождать их дам, кроме загонщиков и егерей, в состав охотничьей компании входили многочисленные слуги, которые должны были обслуживать пикник, повара, чтобы порадовать благородное общество вкусным и обильным обедом, а также музыканты и актеры, призванные увеселять короля и его гостей.

Длинная процессия проехала через сонный город и направилась к обширному лесу, находившемуся в двух часах езды от Лондона. Луга, поля и огороды были скрыты белесым туманом, сырым и зябким, наполненным запахами мокрой травы, земли и дыма, поднимающегося из печных труб, — последние дни осени были коротки и быстротечны, поэтому крестьяне вставали перед рассветом, чтобы закончить полевые работы уходящего года.

Не привыкшие рано просыпаться придворные дремали в повозках и седлах своих лошадей; дамы дрожали от холода и кутались в меховые плащи. Не было слышно ни разговоров, ни шуток, ни смеха, обычных для большого общества, — лишь стук колес повозок, цоканье подков лошадей и бряцание плохо уложенной поклажи нарушали утреннюю тишину.

Но когда кавалькада приблизилась к лесу, солнце уже под-

нялось над деревьями, и туман начал быстро рассеиваться. На багряных, оранжевых, желто-зеленых листьях деревьев засверкали капли росы; сначала робко и неуверенно, а потом все громче запели птицы; прозрачный осенний воздух, пронизанный солнечными лучами, чуть дрожал, переливаясь золотистыми оттенками пышного увядания природы.

Охотники оживились и с веселым шумом подъехали к большой поляне, на которой было решено разбить походный лагерь.

– Богиня Флора прекрасна даже во время своего угасания... Да, но Венера всегда молода!.. А Купидон – и вовсе мальчишка, – переговаривались кавалеры.

Дамы, улыбаясь им, успевали шептаться между собой:

– Природа, конечно, прекрасна, но, согласитесь, что в плане удобств... Ах, не напоминайте, мне уже давно надо отойти!.. А у меня юбка сбилась, нужно поправить, а где?...

Пока слуги расставляли шатры и столы, раскладывали кресла, вынимали посуду, вино и закуски, егеря произвели поиск в окрестных зарослях и доложили королю, что видели свежие олени следы неподалеку от поляны.

– Джентльмены, добыча рядом, – сказал король. – Я имею в виду оленей, господа. Приступим, и да поможет нам богиня Диана загнать их!

Генрих направился по указанному егерями направлению с таким расчетом, чтобы оказаться на пути оленей. Несмотря на свою грузность, король прекрасно держался в седле; он

пустил лошадь крупной рысью, ловко увертываясь от низких веток деревьев.

Сделав широкий полукруг, охотники оказались в мелком перелеске, в который, по мнению егерей, должны были выйти олени, спасавшиеся от загонщиков. Встав по ветру, король и дворяне замерли, вглядываясь туда, откуда доносились звуки облавы; чем ближе она подходила, тем томительнее становилось ожидание, и тем больше разгорался азарт, одолевавший охотников.

– Черт возьми, вдруг олени уйдут через болото? – не выдержал один из них.

На него зашикали, а король недовольно покачал головой. Наконец, на опушку дубравы выбежали два оленя: самец с мощными рогами и самка. Они настороженно принюхивались к запахам перелеска, расстилающегося перед ними, и испуганно пряли ушами, вздрагивая от криков загонщиков и собачьего лая. Если бы не облава, олени, наверное, уловили бы опасность и не попали в засаду, но сейчас у них не было выбора, – они побежали в перелесок, прямо на охотников.

Увидев оленей, Генрих опустил пику наперевес, ударил плетью свою лошадь и галопом бросился им навстречу. В тот же миг животные, заметив угрозу, резко свернули в сторону и большими прыжками, не разбирая дороги, попытались уйти от охотников.

– Бычок мой, а телка ваша, джентльмены! – прокричал Генрих дворянам, не оборачиваясь к ним.

– Егеря, дьявол вас забери, не давайте оленю заваливать влево! Он может по краю леса обойти облаву! – прибавил король, отчаянно стараясь догнать свою жертву.

Олень метался и прыгал, стараясь вырваться из смертельного кольца, но скоро был обложен и прижат к непроходимому густому кустарнику, сквозь который он не смог пробиться, хоть и прыгал на него всей грудью. Тогда олень, тяжело дыша и роняя пену с губ, остановился, повернулся к своим мучителям, обвел их ненавистным взглядом налитых кровью глаз, опустил рога и с трубным ревом пошел в последний бой в своей жизни. Егеря закричали и хотели выстрелить в оленя, но Генрих остановил их:

– Не мешать! Он – мой! – и мощным ударом пики пробил ему шею.

Олень захрипел, захлебнулся кровью, рванулся было вперед, но в тот же миг пошатнулся и упал на землю, ломая кусты. Король спрыгнул с лошади, выхватил кинжал и подбежал к поверженной жертве. Олень еще пытался встать с земли, дергая ногами и поднимая голову; увидев своего убийцу, он сначала забился еще сильнее, а потом вдруг замер и со смертной тоской посмотрел на Генриха.

Король, торжествуя, мгновение постоял над ним, чувствуя свою силу и превосходство, а затем добил его.

– Отличный выпад, ваше величество! Вы прекрасно владеете и пикой, и кинжалом! Да здравствует король! – восторженно воскликнули егеря.

– Да, удачная вышла охота, – возбужденно сказал Генрих. – Каков красавец! – прибавил он, пнув оленя ногой. – Матерый бычок. До конца боролся за свою жизнь... Глядите: у него слезы на глазах, вот до чего не хотел умирать! Все, как у людей... Интересно, как дела у моих достопочтенных джентльменов? Затравили они телку?

– Да, ваше величество. Я видел, как они ее убили, – ответил один из егерей.

– Хорошо. Славная сегодня вышла охота, – повторил Генрих, усаживаясь на коня.

* * *

Возвращение охотников вызвало неподдельный восторг у королевской свиты. Музыканты заиграли веселую бравурную мелодию, а проголодавшиеся придворные жадно разглядывали добычу, предвкушая вкусное жаркое. Однако, поскольку на приготовление оленины нужно было много времени, обед начался с блюд, которые были изготовлены поварями из привезенной с собой провизии. Как только Генрих умылся после охоты, мажордом тут же подал знак слугам, и они принесли огромный котел с гороховой похлебкой, заправленной кусочками свиного сала, клецками, зеленью и тертым чесноком.

Генрих, вообще любивший покушать, а сейчас еще и страшно проголодавшийся, едва дождался, когда ему нальют

суп, и, обжигаясь, принялся жадно есть, не задумываясь о соблюдении приличий. Придворные также решили забыть про этикет и вели себя шумно и непринужденно. Король благожелательно кивал им, поощряя застольное веселье.

Гороховую похлебку сменила телятина, зажаренная в сметане с грибами и черносливом; вместе с ней был подан нежный розовый окорок с листьями капусты и с перышками лука-порея. Всё это входило в первую перемену блюд, призванную слегка утолить голод обедающих. Во вторую перемену повара включили рыбу, сваренную в белом вине, копченые бараньи колбаски, насаженные ягодами барбариса, гусиный паштет с протертыми орехами и заливное из свиных ножек. Кроме того, на столы были поставлены большие блюда с сыром всевозможных сортов, искусно нарезанным или свернутым в трубочки. Сыр, по мнению кулинаров и врачей, способствовал усилению пищеварения, а это было необходимо, чтобы подготовить желудки короля и его гостей ко второй части обеда, в которую должны были войти жаркое из оленины и десерт из засахаренных фруктов, хрустящих вафель, кремовых пирожных и сливочных пудингов.

Поев сыра, Генрих лениво откинулся на спинку кресла, отпил порядочный глоток из кубка, наполненного крепким виноградным вином, и подозвал мажордома.

– Любезнейший, чем вы повеселите нас? – спросил он.

– Ваше величество, у нас в программе выступление артистов, которые хотели показать отрывок из трагедии Софок-

ла, – напомнил королю мажордом.

– Да, да... Но три часа смотреть Софокла! Надо сократить представление, пусть вначале будет музыка и танцы, а уж потом Софокл. Кстати, насчет Софокла... У меня появилась неплохая идея. К черту Софокла, – смогут ли ваши фигляры наскоро выучить и представить нам небольшой кусок из пьесы, который я им передам?

– Полагаю, что смогут, ваше величество, – понимающе улыбнулся мажордом.

– Вот и чудесно! Пусть подойдут ко мне, я скажу, что им надо будет сыграть. Постойте, еще одно: если моим гостям будет угодно послушать, как их король музицирует, я готов доставить им эту маленькую радость. Вы понимаете меня?

– О, конечно! Я понял вас, ваше величество. Все будет исполнено!

Король сделал жест, разрешающий мажордому удалиться. Отпив еще глоток из кубка, Генрих, щурясь от яркого солнца, осмотрел ряды своих придворных. Разомлевшие от сытной еды, упоенные ароматами осеннего леса, согретые теплом погожего дня они лениво болтали между собой, не обращая внимания на своего государя. Генрих увидел, как сэр Джеймс о чем-то оживленно беседует со своими приятелями, и услышал уверенные интонации его голоса. Взгляд короля скользнул и по мрачной физиономии сэра Томаса, который сидел в одиночестве в глубокой задумчивости. Генрих с досадой отвернулся от него и в следующее мгновение

невольно улыбнулся: он увидел Анну Болейн, взор ее чудесных глаз был устремлен на короля. Генрих выпрямился в кресле, вобрал живот и погладил свою аккуратно подстриженную бороду.

– Актеры, ваше величество, – раздался голос мажордома.

Генрих милостиво кивнул им:

– Очень рад, господа артисты. Надеюсь, вам объяснили, чего мы ждем от вас?

– Мы готовы исполнить все приказания вашего величества, – ответил ему старший из них с глубоким поклоном.

– Прекрасно! Вот вам текст из пьесы, который случайно оказался у меня. Автор нам неизвестен, но это и неважно: нас заинтересовали характеры и ситуация. Речь здесь идет о любви некоего мудреца к молодой девушке, с которой его разделяет немалое число лет, но, несмотря на это, она отвечает ему взаимностью. Что девушка нашла в нем, чем он тронул ее сердце? Величием и мудростью, – так говорится в пьесе, и я согласен с автором. Молодость и красота женственности, зрелость и значимость мужественности прекрасно сочетаются друг с другом, – вот главная мысль сочинителя, которую вам надлежит донести до зрителей. Действующих лиц в пьесе, соответственно, двое – Философ и его возлюбленная по имени Леда; кроме них, как того требует от нас традиция, присутствует Хор, разъясняющий публике смысл происходящего на сцене и делающий правильные выводы из действия. Сможете ли вы примерно за час выучить

этот отрывок, чтобы затем разыграть его перед нами?

– Не сомневайтесь, ваше величество, благороднейший из государей! Дабы угодить вам, мы выучим это отрывок и за меньшее время! – воскликнули артисты.

– Итак, берите текст и приступайте! В нужный момент вас позовут, – сказал им король и обратился к мажордому:

– Любезнейший, я ведь просил вас еще кое о чем.

– Мог ли я забыть ваше приказание, государь? Соблаговолите сообщить мне, когда вы захотите музицировать.

– Когда? Да прямо сейчас, черт возьми! – Генрих с беспокойством отыскивал взглядом Анну, куда-то исчезнувшую за время его разговора с артистами.

– Слушаюсь, ваше величество, – мажордом подмигнул кому-то за столом, и немедленно раздался возглас:

– Ваше величество, простите за дерзкую просьбу и за то, что я осмелился беспокоить вас, но клянусь спасением души, никто не играет на лютне лучше вас! Окажите великую милость, – порадуйте нас своей игрой, ваше величество!

– Очень просим вас, ваше величество! Пожалуйста, ваше величество! Мы так давно не слышали вашей чудесной игры! – присоединились к первому голосу другие голоса.

– Прошу прощения, дамы и господа, но сегодня я вряд ли смогу сыграть. Я слегка устал на охоте и боюсь, что мои руки будут плохо слушаться меня, – сказал король, по-прежнему отыскивая взглядом Анну.

– Но мы очень просим вас, ваше величество! Пожалуйста-

ста, пожалуйста, окажите нам милость! – продолжали упрашивать придворные.

Тут лицо Генриха просияло от удовольствия: он увидел Анну, вернувшуюся на свое место.

– Ладно, дамы и господа, я сыграю, если вы настаиваете, – согласился он. – Но не судите слишком строго мою игру.

Королю немедленно принесли лютню, взятую на время у музыкантов. Генрих попробовал, как она звучит, потом, сделав паузу, пристально посмотрел на Анну и принялся играть старинную песню трубадуров, в которой говорилось о любовных страданиях рыцаря и о великих подвигах, совершенных им во имя его возлюбленной, – но, увы, не вызвавших ответной любви в ее душе. Эта песня была хорошо знакома всем, и сердца придворных, размякшие после прогулки на свежем воздухе и сытного обеда, растаяли; у дам полились слезы из глаз, мужчины загрустили. Анна, тоже растроганная грустной историей о несчастной любви рыцаря, потупила взор, вытирая заплаканные глаза.

Взяв последний аккорд, Генрих отодвинул лютню и застыл, глядя поверх голов своих придворных.

– Как хорошо! Как замечательно! Великолепно! – закричали они. – Ваше величество играет на лютне лучше всех на свете.

– Вы преувеличиваете, господа. Я всего лишь умею перебирать струны – и только, – возразил король.

– О нет, ваше величество! Вы отличный музыкант, – не

соглашались с королем придворные. — Умоляем вас, сыграйте еще!

— Ну, не знаю, не знаю... Разве что, вот это я попробую исполнить. Это свободная трактовка веселого лангедокского танца. Говорят, его очень любил герцог Раймонд.

Король заиграл, и улыбки появились на лицах придворных. Задорная музыка разогнала печаль, навеянную грустной песнью; сразу захотелось танцевать, и многие начали отбивать пальцами по столу такт мелодии. Генрих выразительно посмотрел на музыкантов: они подхватили мотив танца, и тогда король, отложив лютню, поднялся, подошел к Анне, подал ей руку и вывел на середину поляны. Зардевшаяся девушка облокотилась на руку короля и грациозно прошлась с ним, приседая и кланяясь, как того требовало искусство хореографии. Король тоже танцевал на удивление изящно, — они были прекрасной парой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.